

Сотрудник замер на секунду, а затем озарил лицо еще более сияющей профессиональной улыбкой:

— Ах, дело в том, что в этом сезоне количество участников-мужчин нечетное, так что кому-то одному посчастливится занять целую комнату в одиночку.

Он сделал паузу, посмотрел на Цзян Сяошуаю и бодрым тоном объявил:

— Поздравляю вас, господин Цзян, этим счастливымчиком стали вы.

У Сяовэй погас во взгляде всякий свет.

Счастливымчиком?

Да это же смертный приговор!

Он в отчаянии посмотрел на Цзян Сяошуаю. Тот сначала тоже опешил, но быстро сообразил, и лицо его мгновенно помрачнело.

Цзян Сяошуаю свирепо зыркнул в сторону съемочной группы:

— Вы там часом не охренели?

Чи Чэн поднялся с дивана, небрежно перекинул пальто через согнутую руку и, шагая длинными ногами, направился напрямик к У Сяовэйю.

У Сяовэй от испуга снова хотел вжаться в спинку дивана, но понял, что уже уперся в него и отступать больше некуда.

Чи Чэн остановился прямо перед ним, отбрасывая огромную тень.

Он вытянул из пальцев У Сяовэя маленький мячик с номером пять и положил его на ладонь рядом со своим собственным точно таким же мячиком.

— Сосед, пошли.

Копец.

Его жизнь с того самого момента, как бывшая девчонка изменила ему, покатила по рельсам неуправляемых американских горок прямо в бездонную пропасть, и даже без ремня

безопасности.

Он оцепенело повернул шею и умоляюще посмотрел на Цзян Сяошуая.

Цзян Сяошуай беззвучно шевельнул губами, передавая послание:

— Терпи.

Хрен ли терпеть! Какого чёрта тут терпеть?!

Жить в одной комнате с заклятым соперником, с тем ублюдком, который от и до растоптал и унизил его?

Какая разница между этим и тем, чтобы запереть дрожащего цыплёнка в одну клетку с ядовитой змеей, показывающей жало?

А съёмочная группа умеет, оказывается, издеваться над людьми.

Го Гочэнюй, совершенно ничего не замечая, продолжал орать:

— Чэн, а тебе подфартило! Парень этот чистенький, ладный, с виду такой правильный!

Правильный?

У Сяовэй был готов сорваться с места и разорвать ему глотку.

Правильный я твой дед!

Однако Чи Чэн, другой главный герой и самый эпицентр бушующей бури, оставался на редкость невозмутимым.

Он даже не сделал лишнего движения — просто стоял и наслаждался занятой пантомимой.

Его вид вовсе не говорил о случайности, скорее... всё шло именно так, как он и хотел.

От этой догадки у У Сяовэя волосы встали дыбом по всему телу.

Он сделал это специально.

Этот псих, он точно сделал это нарочно!

— Ладно, раз соседи по комнате распределены, попросите карточки у организаторов и отправляйтесь в свои номера немного отдохнуть, — вовремя вмешался сотрудник, принявшись раздавать пластиковые ключи.

Гао Мэн и Ань Чжэ с радостными воплями закинули руки друг другу на плечи и удалились.

Вэнь Яньчэнь по-прежнему носил свою безупречную фальшивую маску и вежливо сделал Го Гочэню жест приглашения, после чего они вместе поднялись наверх.

Го Гочэню оглядывался на каждом шагу, подмигивая Чи Чэну и бормоча:

— Ну и тоска, а я ведь хотел жить с тобой в одной комнате...

Теперь остались только У Сяовэй и Чи Чэн.

Сотрудник подошел с последними двумя картами, озарив лица дежурными улыбками.

— Господин Чи, господин У, ваша комната — номер 301 на третьем этаже, это люкс с видом на море.

С видом на море?

Может, ему броситься в это море с обрыва?!

У Сяовэй медленно, словно нехотя, протянул руку, но едва его кончики пальцев коснулись ледяной карточки, как он отдернул ее назад, будто обжегшись.

Чи Чэн же вполне непринужденно забрал свою карточку, а затем на глазах у всех решительным шагом направился к У Сяовэю.

У Сяовэй даже перестал дышать.

Ему хотелось отступить, но ноги словно вросли в пол.

Чи Чэн остановился прямо перед ним, и колоссальная разница в росте создала ощущение сильнейшего давления.

Двумя пальцами зажав карточку, Чи Чэн протянул ее обратно.

— Твоя.

Тан Синь сложила руки на груди, наблюдая за происходящим с огромным интересом.

В оленьих глазах Линь Юю читалось абсолютное любопытство.

Су Цзинь даже отложила телефон, и на ее холодном красивом лице промелькнуло редкое выражение зрителя, предвкушающего зрелище.

Третий этаж, 301.

У Сяовэй стоял перед массивной дверью, глубоко вздохнул и приложил карту к замку.

Комната оказалась большой.

За гигантскими панорамными окнами расстилались синее море и песчаный пляж, а в самом центре спальни стояла...

Стояла огромная двуспальная кровать.

У Сяовэй в глазах потемнело, и он чуть не грохнулся в обморок.

Одна кровать?

Вы, съемочная группа, демоны во плоти?!

Он застыл на пороге — ни войти, ни отступить.

Чи Чэн прошел мимо него, совершенно по-хозяйски огляделся, поставил чемодан у стены, снял пиджак, небрежно бросил его на диван и принялся расстегивать запонки на манжетах.

В каждом его движении сквозила расслабленная роскошь.

У Сяовэй все еще торчал столбом, похожий на забредшего не туда коридорного мальчишку.

Чи Чэн расстегнул манжеты, закатал рукава рубашки, обнажив крепкие предплечья с гладкими мускулистыми линиями. Он обернулся и, заметив всё еще застрявшего в дверях У Сяовэя, чуть приподнял брови.

— Заходить собираешься?

У Сяовэй словно очнулся ото сна, механически передвинул ноги, втащил внутрь свой потрепанный чемодан и забился в самый дальний угол комнаты, вплотную прижавшись к стене.

Сейчас ему хотелось только одного — слиться с этой стеной в единое целое.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь шумом набегающих на берег волн да тихим шелестом, с которым Чи Чэн разбирал вещи.

У Сяовэй опустил голову и принялся вычерчивать носком ботинка круги на ковре.

Что делать?

Всю следующую неделю ему придется делить крышу с этим демоном, и даже... делить с ним кровать?

Да он лучше будет спать в ванной! Нет, в коридоре, и то сойдет!

— Подойди.

Чи Чэн заговорил совершенно неожиданно.

У Сяовэй вздрогнул и резко поднял голову.

Чи Чэн стоял перед шкафом, держа в руках черную бархатную коробку.

— Что? — голос У Сяовэя прозвучал сухо и хрипло.

— Твой багаж, — Чи Чэн кивнул на потрепанный чемодан у порога. — Разбирать не собираешься?

— Ох... да!

У Сяовэй наконец сообразил, торопливо подбежал, присел на корточки и принялся судорожно дергать замок своего чемодана.

Но молния на старой поклаже намертво застряла, и сколько он ни возился, докрасна натужив лицо, она не сдвинулась ни на миллиметр.

Позор.

Какой же это чёрт возьми позор.

Ему казалось, что взгляд Чи Чэна прожигает его макушку, шаря по нему прожектором снизу доверху и выставляя напоказ даже те жалкие крохи самоуважения, что у него оставались.

В тот момент, когда он уже был готов сдаться, рядом протянулась пара жилистых рук с четко очерченными суставами.

Чи Чэн присел на корточки.

Он лишь слегка поддел язычок молнии и дернул.

Щелк.

Намертво заеденная молния плавно разошлась.

Крышка чемодана откинулась, и все его нехитрое содержимое тут же оказалось на виду.

Пара застиранных добела футболок, двое мятых джинов, шлепанцы за тридцать юаней из уличной палатки.

И еще... упаковка самых дешевых трусов из супермаркета в простенькой упаковке.

У Сяовэя от ужаса кровь в жилах застыла.

Ему хотелось умереть.

Прямо сейчас, немедленно.

Взгляд Чи Чэна задержался на этом дешевом барахле ровно на секунду, после чего он поднялся и посмотрел на притаившегося на полу У Сяовэя сверху вниз.

— И это всё твои вещи?

— Не твоё собачье дело!

К черту его маску, к черту эти двадцать тысяч, к черту всё!

Хватит, больше он терпеть не намерен.

Чи Чэн, услышав столь неожиданный ответ, не только не разозлился, но даже едва заметно усмехнулся.

— А характер-то имеется.

Он сделал шаг вперед, нависая над У Сяовэем.

У Сяовэй инстинктивно подался назад, но поясницей ударился о край матраса и, потеряв равновесие, завалился назад, шмякнувшись пятой точкой на мягкую постель.

Конец.

Он угодил прямо в змеиное логово.

Чи Чэн наклонился, оперевшись обеими руками в матрас по обе стороны от его тела, и заключил У Сяовэя в ловушку между своими руками и кроватью.

Поза абсолютного господства.

Это красивое, но невероятно хищное лицо приблизилось вплоть до умопомрачения.

Мозг У Сяовэя окончательно отключился, погрузившись в абсолютную пустоту.

— В ту ночь, — голос Чи Чэна был тихим, словно птичье перо, скользнувшее по мочке уха У Сяовэя, — ты вел себя куда послушнее.

Громыкнуло!

— Ты... что ты такое несешь... я ничего не понимаю!

В смысле?

В ту ночь?

В какую ночь?!